

$z = 0,393$ при $p < 0,01$, соответственно). В выборке учителей доминируют взаимосвязанные ценности «рационализм» (число значимых корреляций - 6) и «независимость» (число значимых корреляций - 6; $z = 0,380$; $p < 0,01$). Из этих данных следует, что в представлениях студенчества в качестве средств достижения поставленных целей выступают образованность, независимость, ответственность, в то время как в представлениях учителей активность молодежи связывается с проявлением рационализма и независимости. В целом наблюдаемые сходства в приписываемых ценностях-средствах представителями студенчества и учителей позволяют говорить о том, что современная молодежь обладает свойствами личности, обеспечивающими успешность саморегуляции активности, умение действовать самостоятельно.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют сделать следующие выводы:

в социальных представлениях о молодежи у представителей разных групп наблюдается больше сходства, нежели различий;

в представлениях студенчества ценностные предпочтения молодежи связаны с самореализацией в профессиональной сфере, с последующим

достижением материального благополучия, в то время как в представлениях учителей наиболее значимым для молодежи является самореализация не только в профессиональной и сфере материального благополучия, но и сфере межличностных отношений;

наибольшее сходство наблюдается в приписываемых ценностях-средствах представителями разных социальных групп: современная молодежь обладает свойствами личности, обеспечивающими успешность саморегуляции социальной активности, умение действовать самостоятельно.

Работа выполнена в рамках проекта «Социально-психологический анализ процессов социализации и адаптации личности в условиях динамично развивающегося общества» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (2012-1.2.1-12-000-3005-012).

Примечания

- ¹ См.: Леонтьев Д. А. Ценности и ценностные представления // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С.22-32.

УДК 316.6+159.942

«ДРУГОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ» КАК ИСТОЧНИК САМОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Рягузова

Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

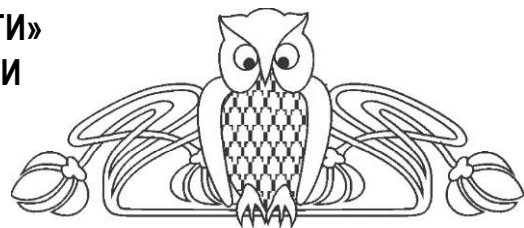
В статье представлен анализ психологического статуса Другого в художественной реальности. Утверждается, что с помощью искусства личность не только познает мир и Другого в нем, но и переопределяет внутреннюю ценностно-смысловую систему координат. Моделируется траектория движения Я субъекта в направлении самопонимания и самопознания. Приводятся результаты эмпирического исследования, устанавливающие связь между оценкой своих качеств, качеств Другого и динамикой процессов самопознания и самопонимания личности.

Ключевые слова: социальная психология искусства, Другой в художественной реальности, встреча с искусством, траектория движения Я, самопонимание, самопознание личности.

«The Other» in Art Reality» as the Source of Self-Knowledge of the Person

E. V. Ryaguzova

The article presents the analysis of the psychological status of the Other in art of reality. Alleged that, using the art of the person knows not only

the world and the Other in it, but also overrides the internal value-semantic system of coordinates. Simulated trajectory of movement the I of the subject in the direction of self-understanding and self-discovery. Presents the results of empirical research that establishes the connection between the assessment of own qualities and the qualities of the Other and dynamics of the processes of self-knowledge and self-understanding of the person.

Key words: social psychology of the art, the Other in art reality, meeting with art, trajectory of movement of the I, self-understanding, self-knowledge of person.

Жизнь человека связана с освоением, присвоением и осмыслением мира, в котором он живет, а цель любой интеракции личности с миром и Другими включает желание и попытку человека постичь себя, извлечь из самого себя пласты непознанного, воспользоваться имеющимися потенциалами и задействовать ресурсы. Соответственно, все сферы интеракций и коммуникаций

субъекта так или иначе связаны с самопознанием, углублением, расширением и преобразованием интрапсихического мира личности.

В этом ряду искусство занимает ключевую и исключительную позицию, поскольку вслед за С. А. Лишаевым можно констатировать, что «эстетический опыт есть феномен, который противопоставит миру сделанного. Эстетическое как произвольное, как данное онтологично по самой своей природе. Эстетическое чувство напоминает о присутствии в жизни того, что просто есть, с чем ничего не поделаешь, что нельзя использовать, но что важно своей самобытностью, своей неподдающейся симуляции реальностью»¹. Искусство оказывается тем миром опыта, который существует не в координатах практической пользы и материальной выгоды, а в горизонтах развития и самосовершенствования Духа, являясь той сферой, где удовлетворяется потребность личности в онтологических константах.

В психологии искусство рассматривается многомерно и многогранно: как концентрированное выражение эстетического опыта; как отрасль человеческой деятельности, приводящая к удовлетворению духовных потребностей личности; как процесс и итог значимого выражения чувств и переживаний в образах; как способ познания людьми действительности; как инструмент взаимодействия личности и социума с окружающим миром; как реализация личности через различные стратегии самоутверждения и способы достижения ею социокультурного и психологического равновесия; как вариант моделирования действительности; как средство изучения законов жизни, способствующее прогрессу и развитию отдельного индивида и общества в целом; как способ межличностной коммуникации между автором, создающим то или иное произведение, и реципиентом, получающим, понимающим и принимающим это послание. Все перечисленные аспекты, безусловно, имеют право на существование и заслуживают внимания, каждый из них основывается на определенных методологических принципах и предполагает комплементарные, но вместе с тем разные модулы анализа искусства.

В контексте данной статьи мы хотим выявить психологический статус «Другого в художественной реальности» и определить его значение для процессов самопонимания, самопознания личности и амплификации ее развития.

Мир искусства предполагает установление полилогических связей между субъектом эстетического воздействия и многочисленными Другими, репрезентированными в этом мире фигурами автора, исполнителя, персонажа, героя, аудитории и т.п., а также диалогических связей субъекта с самим собой, что способствует саморазвитию и самопостижению. Вступая в диалог с культурными артефактами, человек расширяет свое

жизненное пространство, наполняя его иными измерениями, новым содержанием и контактами. В формате искусства диалог превращается в полилог - систему межличностных диалоговых отношений, поскольку одновременно взаимодействуют все субъекты художественного поля, для которых характерна некоторая асимметричность диалоговых позиций, связанная с горизонтами понимания и интенциональностью субъектов. При взаимодействии с культурными артефактами важны внутренняя активность личности, своеобразие ее оптики и заинтересованное отношение, поскольку в результате диалога личность получит ответы только на поставленные ею самой вопросы, разрешит собственные межличностные проблемы и внутрличностные конфликты.

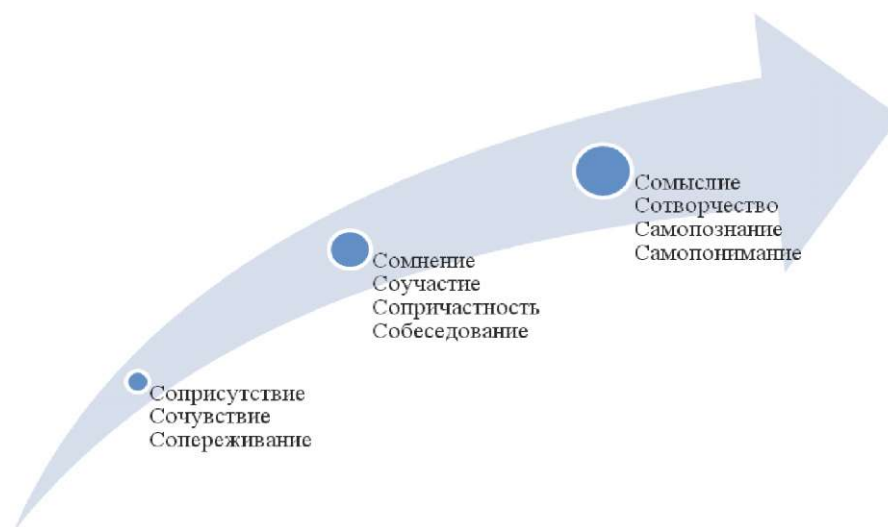
Через искусство человек не столько познает субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, сколько переопределяет внутреннюю смысловую систему координат и выстраивает пирамиду ценностей, обретая при этом устойчивые формы интеракции с предметным и социальным мирами. Благодаря искусству субъект раздвигает рамки повседневности, расширяет репертуар социальных ролей, осваивает различные, иногда не сочетаемые в жизни поведенческие модели и стратегии, в целом углубляя в себе меру понимания окружающего. Искусство показывает человеку многоликость, всеорност и многозначность жизненных ситуаций, предлагает широкий диапазон и разнообразный спектр паттернов и моделей поведения в них, включает в рамки дозволенного опыта недозволенное, способствует актуализации интенсивных, иногда амбивалентных эмоциональных состояний и расширяет вариативность когнитивных реакций по шкале: невероятное, невозможное, допустимое, возможное и реальное. Приобретая опыт, расширяя собственное жизненное пространство, человек выходит за пределы упорядоченного и духовно обжитого мира, совершая своеобразный духовный экскурс, состоящий в развертывании (экспликация) бытия как такового навстречу миру и Другим в этом мире.

Попадая в мир искусства, субъект активен, он открыт новому опыту, что предполагает отсутствие жестких, фиксированных схем восприятия и анализа, а также проницаемость в понятиях, представлениях и толерантность к неопределенности. Находясь в мире искусства, часто среди множества других людей, у субъекта нет желания произвести на них впечатление, ему не нужно играть ту или иную роль, он имеет редкую возможность побыть наедине с самим собой, освобождаясь от власти необходимого, целесообразного, стереотипного и трансформируясь в своеобразного путешественника, готового и желающего узнать иную реальность, способного понять и постичь в этой реальности Другого. Как и любому путешественнику, человеку,

оказавшемуся в мире искусства, интересно все - культурный ландшафт, смысловые трудности, табуированные препятствия, метафорические опасности и символические приключения. Как и с любым путешественником с ним охотно делятся информацией, он - желанный гость, которого пригласили, однако за ним остается выбор длительности пребывания в этом мире.

Встреча с искусством рассматривается нами как психологическая ситуация, разворачивающаяся во времени и в пространстве и характеризующаяся различной степенью вовлеченности личности в интеракцию с культурным объектом. Для дифференциации стадий взаимодействия мы используем схему, предложенную А. В. Запорожцем², дополняя и модифицируя ее. Изучая поведенческую динамику детей-дошкольников в театре, А. В. Запорожец показывает, что формирование эстетического чувства схематично выглядит следующим образом: соприсутствие, сочувствие,

сопереживание, соучастие, сопричастность, сомыслие. Он считает, что процессы эстетического восприятия у взрослого человека имеют аналогичные стадии, справедливо полагая при этом, что некоторые из них носят свернутый, сокращенный, внутренний характер. Он фокусирует свой исследовательский интерес на разработке психологических основ действия и, в частности, содействия - внутренней формы движения, в содержание которой входят образ ситуации и алгоритм возможных действий, реализуемых в тех или иных конкретных обстоятельствах. Мы, в свою очередь, хотим показать, что психологическая встреча с произведением искусства сопряжена с самопознанием, саморазвитием, самопониманием и амплификацией Я субъекта новыми смысловыми и ценностными измерениями. Смоделируем и проанализируем своеобразную траекторию движения личности в направлении самопознания и самопонимания (рисунок).

Ценностно-смысловая траектория движения личности в художественной реальности

Соприсутствие предполагает совместное нахождение в той или иной точке пространства и времени, которое может отличаться различной степенью добровольности или принудительности, но в случае взаимодействия личности с культурным артефактом всегда (или почти всегда) пространственно-временной контакт связан с посещением определенных мест и фиксированных территорий (театр, музей, концертный зал), где существуют свои особые правила. Для того, чтобы встреча с искусством действительно произошла, личность, попадая на эти «обособленные, выгороженные, освещенные территории»³, должна определить для себя эту психологическую ситуацию как ситуацию встречи именно с произведением искусства и в русле этого организовывать, воспринимать, типизировать и наделять эту «встречу» определенным социальным значением и личностным

смыслом. На этом этапе происходит наложение трех локальных хронотопов: 1) ситуации присутствия «здесь и сейчас»; 2) ретроспективной ситуации «там и тогда», связанной с мотивационно-потребностной сферой и прошлым (как правило, позитивным) опытом взаимодействия личности с искусством; 3) антиципации будущей ситуации и экспектации либо новой, необычной, неожиданной, интересной коммуникации, либо «оживления следов» ранее воспринятого, пережитого, присвоенного.

Граница пространства взаимодействия может быть представлена как своеобразная рамка - фрейм, открывающая иное пространство и одновременно препятствующая проникновению в него. Наличие рамки повышает значимость того, что в нее заключено, и придает ему знаковую, т.е. отграниченное пространство превращается

в значимое (значительное) и означающее пространство. Эта трансформация предполагает знание определенных кодов - эмоциональных, культурных, жанровых, символических, стилистических, с помощью которых нейтральное пространство переводится в означающее. Безусловно, траектория движения в этом пространстве будет определяться культурной компетентностью личности и зависеть как от самого субъекта, его отношения к искусству, модуса реагирования на него (эксперт, профессионал, потребитель, наивный наблюдатель), так и от особенностей самого произведения искусства.

Проницаемость границы предполагает разнообразный репертуар способов перехода через нее, самым простым и доступным из которых является эмоциональное реагирование личности, позволяющее выделять свое из общего, ее аффективная включенность, выступающая проводником между совокупностью общих значений и областью личностных смыслов. Диапазон эмоциональных проявлений личности весьма разнообразен - от наслаждения, полученного в результате ее интеракции с эстетическим объектом, или удовольствия от процесса культурного потребления, высвобождения собственных эмоций, катарсиса до эмоций страха, ужаса, растерянности, отвращения, своеобразного «антикатарсиса» (В. Е. Семенов).

Мы полагаем, что, говоря об эмоциональном реагировании личности при ее взаимодействии с культурными артефактами, следует акцентировать внимание как на модальности эмоций, так и на их интенсивности, амбивалентности и парадоксальности. С нашей точки зрения, важна не столько эмоциональная разрядка, сколько «эмоциональный взрыв», приводящий к иной конфигурации личностного опыта, к постижению непостижимого, а также к преобразованию ценностных рядов и смыслов, поскольку «умные эмоции искусства» (Л. С. Выготский) способны создавать на своей территории особые смыслы и свой говорящий язык.

На этой стадии важны и необходимы не только эмоциональные, но и коммуникативные (языковые и внеязыковые) коды. Личность, эмоционально включенная в процесс интеракции с произведениями искусства, вступает в субъект-субъектное отношение с ним как «вещью-в-открытости», т.е. в такую стадию взаимодействия, когда «оно из неорганического конструкта превращается в некий анимистический живой организм, наделенный рядом душевных и духовных свойств»⁴.

Мы затронули вопрос, связанный с индивидуальным уровнем анализа эмоциональных проявлений личности в процессе ее интеракции с искусством, однако не стоит забывать о важности и значимости межличностного уровня анализа, имеющего отношение к эмоциональному зара-

жению, социальным оценкам и межличностному подкреплению, а также группового, межгруппового и культурного уровней анализа эмоциональных проявлений⁵. Так, например, коммуникативная теория эмоций, активно разрабатываемая в современной зарубежной психологии, постулирует, что эмоции, определяя конфигурацию когнитивной системы и выбор способов действия, должны рассматриваться как автокоммуникация или коммуникация, эмпатическая координация с другими людьми⁶. Согласно этой теории, положения которой во многом созвучны нашей точке зрения, эмоция представляет собой невербальное сообщение, а процессы ее опознания и распознавания выступают в качестве своеобразных личностных умений, которые тренируются и вырабатываются, благодаря, в том числе, и искусству.

При описании происходящего на этой стадии очень важным является переход от эмоционального реагирования личности на ситуацию встречи с искусством сначала к сочувствию - актуализации собственных состояний по поводу чувств Другого, репрезентированного в мире искусства различными фигурами, а затем к сопереживанию - переживанию личностью тех же состояний, что и Другой. Психологическими механизмами, обеспечивающими эти переходы, могут быть механизмы идентификации, эмпатии, принятия роли, децентрации (эмоциональной и интеллектуальной). Стоит обратить внимание на то, что аффективно-коммуникативное и аффективно-регулятивное измерения связаны с отрефлексированным качеством художественного образа, который наделяется личностью рациональными структурами, способными трансформировать характер чувственности: «Отныне рефлексия зрителя будет работать внутри построения художественного образа во всех его статусах»⁷.

Ключевым этапом для самопознания, по нашему мнению, является этап сомнения, сущность которого можно раскрыть через семантику этого понятия. По В. И. Далу, сомнение означает неуверенность личности в чем-либо, «колебание мыслей», подозрение и опасение, «шаткое недоумение», «думать на двоих»⁸, т.е. сомнение связано с наличием, активизацией личностью собственного мнения и с актуализацией неуверенности в его исключительности и однозначности, которая возникает в результате полученного эмоционального опыта и знания. Кроме того, сомнение можно буквально трактовать как совместное мнение, следовательно, оно предполагает открытость, возникновение вопроса, поиск ответа и возможность выработки согласованного, совокупного мнения, возникшего на перекрестке опыта «Я» и «Другого».

Соучастие (содействие) переводит анализ из плоскости реакции личности в плоскость ее акции, действия и регуляции, так как, определив

ситуацию, личность определяет и модель, схему будущего способа действия в ней. А. В. Запорожец, изучая механизмы восприятия и понимания детьми сказок, считал, что в процессе их слушания формируется определенная внутренняя психическая активность - умение мысленно действовать в воображаемых обстоятельствах. При этом специфическим содержанием восприятия является не столько виртуальная действительность, сколько существенные, типичные образы, продуцированные с ее помощью, а действие понимается как опредмеченная, овеществленная субъектность, в связи с чем овладение новыми действиями представляет собой подлинное обогащение субъекта⁹.

Сопричастность связана с ценностной сферой личности, она требует активизации специальных способов личностного действия субъекта - духовных актов - поступков, которые имеют отношение к нравственной сфере: к порождению смысла, принятию ответственного решения, к способности сделать выбор и отвечать за него. Рефлексия этого этапа неизбежно приводит нас к анализу поступка в философской традиции М. М. Бахтина, согласно которому продуктом эстетической деятельности является не действительно становящееся бытие, а акт эстетического интуирования¹⁰. Он считает, что в содержании эстетического видения нет акта-поступка видящего, там имеет место «вживание» в индивидуальный предмет видения, затем происходит объективация, отделение от себя, возврат в себя, и именно это возвращенное в себя сознание эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как целостную и качественно своеобразную. По М. М. Бахтину, поступок расколот на объективное смысловое содержание и субъективный процесс свершения. Только изнутри «участности» может быть понята функция каждого участника. Сопричастность подразумевает диалогичность личностных репрезентаций взаимодействия «Я - Другой в художественной реальности» и формирование потенциального содержания поступка. На основе сопричастности интернализируются этические нормы, нравственные оценки и определяется горизонт единой и единственной нравственной ответственности личности. Сопричастность тесно связана с собеседованием, с установлением полилогических связей между субъектом эстетического воздействия и многочисленными Другими, представленными в художественной реальности, а также диалогических связей личности с собой, что способствует саморазвитию и самопостижению.

Сомыслие представляет собой глубокое погружение в себя и преобразование усвоенного опыта. Эта идея блестяще, точно и метафорично высказана Г.-Г. Гадамером: «Игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой»¹¹.

Учитывая бесспорный факт, что воздействие искусства имеет пролонгированный характер, перед нами стояла сложная задача организации эмпирического исследования, направленного на изучение влияния культурного артефакта на процессы самопознания и самопонимания личности. В качестве стимульного материала использовался мультипликационный фильм, выбранный нами, исходя из следующих критериев: эстетический - высокая экспертная оценка фильма, свидетельствующая о том, что это продукт художественной деятельности, оцененный мировым профессиональным сообществом; временной - длительность воздействия ролика 5 минут 19 секунд, такая продолжительность способствует сохранению устойчивого внимания; визуальная упрощенность - схематичность репрезентации персонажей снижает коннотативные эффекты, обусловленные эмоциональными факторами (внешняя привлекательность, принадлежность к тому или иному этносу, субкультуре), и позволяет описывать главное действующее лицо как Другого; вербальная упрощенность - отсутствие речевых диалогов в представленном фильме, определяющих, а иногда и навязывающих те или иные смыслы при интерпретации происходящего (все действие сопровождается различными звуками - тиканьем часов, звонком будильника, шагами); содержательный - смысловая интрига, т.е. истинный смысл происходящего явно акцентировался лишь в конце фильма.

Основным методом эмпирического исследования являлся опрос с использованием специально разработанной анкеты, включающей в себя вопросы, связанные с самооценкой эмоциональных и когнитивных реакций респондентов, возникающих у них образов, ассоциаций и метафорических рядов ($M = 73$). Дополнительно перед началом просмотра использовалась шкальная методика «Я и Другой», по результатам которой определялась субъективная позиция испытуемого относительно представляемого Другого.

Полученные данные свидетельствуют о том, что 34,3% испытуемых априори занимают доминантную позицию по отношению к Другому, приписывая себе более высокие значения на символической шкале личностных свойств; 20,5% полагают, что собственная позиция ниже, чем положение Другого, причем Другой нами не определялся, это был некий Другой, идентифицированный как таковой самим респондентом. 45% всей выборки допускают равноправие позиций Я и Другого, локализуя их рядом, атрибутируя и себе, и Другому одинаковые качества. Именно этот критерий стал дифференцирующим принципом разделения испытуемых на три группы.

Применение контент-анализа к результатам опроса позволило выделить показатели, являющиеся, на наш взгляд, индикаторами процесса самопонимания. Заметим, что мы вслед за

В. В. Знаковым результатом самопонимания считаем «новый смысл того, что человек уже знал о себе»¹². Исходя из этого, были выделены следующие показатели: наличие глагола с возвратной частицей «-ся», личных местоимений («я», «мы») и притяжательных прилагательных («мой», «наш»), свидетельствующее о своеобразной инверсии, т.е. принятии смысла репрезентированной ситуации на себя. Обратим внимание на то, что в ответах только части испытуемых (а именно - 32%) мы обнаружили выделенные нами и описанные выше маркеры процесса самопознания как одной из форм самосознания, наряду с самооценкой, самоконтролем и самопринятием. На наш взгляд, это вполне объяснимо, поскольку самопознание представляет собой комплексный, сложный и непрерывный процесс, детерминированный множеством различных разнопорядковых факторов, и неправомерно было ожидать более высоких результатов, учитывая длительность воздействующей ситуации, ее контент и контекст.

Было показано, что изначальная оценка своих качеств и качеств Другого обуславливает динамику процессов самопознания и самопонимания. Если человек позиционирует себя значительно выше, чем Другого (I группа), то проблемы последнего его мало касаются, он описывает их с точки зрения стороннего наблюдателя, не соотнося их с собственной жизнью, не реконструируя личностные смыслы и, соответственно, не продвигаясь по пути самопознания. В случаях, когда субъект рассматривает Другого как равноправного партнера (III группа) или даже в чем-то превосходящего его самого (II группа), он имеет возможность сменить собственную оптику видения, выстроить некую совместную перспективу, которая связана со смысловой амплификацией субъекта, при этом обогащение происходит благодаря соприсутствию, сопереживанию, сопричастности и соучастию. Субъект открыт для Другого, его интерес фокусируется на проблемах и переживаниях Другого, он переходит внутреннюю границу навстречу Другому и Другим, преодолевая свою ограниченность и самодостаточность. Проведенный математический анализ достоверности различий (χ^2 -критерий Манна-Уитни) показал, что у респондентов второй группы значимо чаще встречаются индикаторы самопонимания ($p < 0,01$).

В формате искусства Другой снимает ограниченность, фиксированность, упрощенность, уплощенность и предвзятость индивидуальной точки зрения, демонстрируя широкий репертуар возможностей и потенциальностей, т.е. с помощью искусства человек может выстраивать собственную жизнь через возможности, представленные Другими. Ж. Делез по этому поводу пишет: «Другой релятивирует незнание, невоспринимаемое, понуждая меня охватить то, что я не воспринимаю, как воспринимаемое для

Другого»¹³. Аналогичную мысль высказывает М. М. Бахтин, подчеркивая значимость взгляда Другого на окружающий социальный и предметный мир, благодаря которому мир становится не фрагментарным, а завершенным и целостным¹⁴.

Через коммуникативные практики искусство раскрывает сущностные грани Другого, который вместе с тем предстает и как новая модель личной идентичности, расширяющая рефлексивное поле опыта. В контексте вышеизложенных рассуждений вызывает интерес точка зрения М. М. Бахтина, который полагал, что подлинное Я создается в точке несовпадения человека с самим собой. Именно в понятии всенаходимости, по его мнению, фиксируется механизм идентификации личности с Другим на основе ее отказа от самой себя, что позволяет узнать Другого *в его отличии* и самого себя *в своей дружости*¹⁵. Субъективный образ Другого представляет собой образ себя через Другого в перспективе своих возможностей и соотносится с самостью, образуя с ней целостность. Для того чтобы по-настоящему стать собой, человеку необходимо преодолеть свою самодостаточность, перейти внутреннюю границу навстречу Другому и Другим, принять ответственность за свою жизнь и за траекторию жизненного пути, обрести свободу.

Таким образом, в мире искусства помимо непосредственного общения с Другим, предполагающим его сопричастие, соучастие и сопереживание ему, помимо опосредованной коммуникации через интенциональные отсылки к Другому в пределах культуры, переводящей диалог/полилог в поле интересубъективности (Другие не только разделяют этот мир, но и придают ему завершенность и целостность, поскольку «Я-в-мире» постигается лишь в соотношении и в противопоставлении с Другим), существует интрасубъективная коммуникация, предполагающая диалог с самим собой, переоценку иерархии ценностей и смыслов. Допустимость равноправных статусов Я и Другого обеспечивает позицию с равными перспективами, активизирующими и углубляющими самопонимание, успешность и продуктивность которого во многом зависят от того, насколько развито у субъекта эстетической деятельности умение видеть в Другом равноправного партнера, одновременно признавая его право на отличие.

Примечания

- ¹ Лишаев С. А. Эстетика Другого. СПб., 2008. С. 6.
- ² См.: Запорожец А. В. Избранные психологические труды : в 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 260-275.
- ³ ХейзингаЙ. Homo Ludens ; Статьи по истории культуры. / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1997. С. 28.
- ⁴ Копцева Н. П. Зритель // Автор и зритель : эстетические

- проблемы восприятия и творчества. СПб., 2006. С. 21.
- ⁵ См.: Приходько А. И. Проблема эмоций в зарубежной социальной психологии // Вопр. психологии. 2009. № 1. С. 141-152.
- ⁶ См.: Oatley K. Communications to Self and Others : Emotional Experience and its Skills // Emotion Review. 2009. Vol. 1, № 3. P. 206-213.
- ⁷ Копцева Н. П. Указ. соч. С. 21.
- ⁸ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://dal.sci-lib.com/html> (дата обращения: 09.08.2010).
- ⁹ См.: Запорожец А. В. Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником // Дошкольное воспитание. 1948. № 9. С. 34-41.
- ¹⁰ См.: Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9-69.
- ¹¹ См.: Гадамер Г.-Г. Искусство и подражание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 273.
- ¹² См.: Знаков В. В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 65.
- ¹³ См.: Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого // Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 286.
- ¹⁴ См.: Бахтин М. М. : pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли / сост. К. Г. Исупов. СПб., 2001. С.16.
- ¹⁵ Там же. С. 49.

УДК 316.6

МЕЖПОКОЛЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ

Л. Е.Тарасова

Саратовский государственный университет
E-mail: let01@mail.ru

В статье анализируются результаты исследования представлений россиян, относящихся к разным поколениям, о социальной, в частности, гражданской активности. Взаимодействие между старшим и младшим поколениями рассматривается в качестве существенного фактора как развития и функционирования общества в целом, так и становления последующих поколений, их адаптации и социализации.

Ключевые слова: социализация, факторы социализации, социальные функции старшего поколения, адаптация, взаимодействие поколений, представления, гражданская активность.

Intergenerational Interaction as One of Factors in Socialization and Adaptation

L. E. Tarasova

The article analyzes the results of a study of representations of Russians belong to different generations, the social, in particular, civic activity. The interaction between the older and younger generations is regarded as a significant factor as the development and functioning of society as a whole, and the formation of the next generations, their adaptation and socialization.

Key words: socialization, socialization factors, social functions of the older generation, adaptation, interaction of generations, views, civic activity.

Глобальный характер и масштаб преобразований, происходящих в современном мире, особо актуализируют проблему социализации. Ее изучение становится разносторонним, уславливаются взаимосвязи и взаимозависимости с другими процессами, в частности, с адаптацией.

Существует большое количество концепций о соотношении понятий «социализация» и «адаптация», но общепринятой теории до сих пор не существует: предлагается исходить из того, что именно фундаментальный процесс социализации формирует комплексную систему предпосылок адаптации. Проблемы социализации личности актуальны, так как затрагивают процессы влияния на социальные, профессиональные и возрастные группы людей.

События, необратимо изменившие отношение человека к миру природы и к человеку - атомная энергетика, компьютеризация, глобальная информатизация, открытия в области генетики вплоть до клонирования живых существ, космические исследования и пр., привели к разрыву преемственности жизни, к конфликту между поколениями. В постиндустриальном обществе модернизация принесла с собой ряд изменений в различных сферах жизнедеятельности старшего поколения: научные достижения в сфере медицины привели к увеличению продолжительности жизни; в условиях урбанизации произошло разрушение традиций совместного проживания различных поколений в одной семье; технический прогресс и автоматизация производства привели к быстрому устареванию профессиональных знаний работников старшего поколения; стремительная информатизация и необходимость постоянного обновления знаний снизили актуальность передачи опыта от старшего поколения младшему. Опыт и социокультурные ценности